

18+

АНАТОЛИЙ МУЗИС

Я УКРАЛ

ДЕТЕКТИВ

Анатолий Музис
Я украл. Детектив

«Издательские решения»

Музис А.

Я украл. Детектив / А. Музис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852534-6

Довольно любопытная история, основанная на действительно возможном событии, соответствующему годам написания рассказа (1985 г.)

ISBN 978-5-44-852534-6

© Музис А.
© Издательские решения

Я украл Детектив

Анатолий Музис

© Анатолий Музис, 2017

ISBN 978-5-4485-2534-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1985₂

Письмо было отпечатано на голубовато-серой бумаге через один интервал.

В правом верхнем углу значилось: «Начальнику отделения милиции...»

Окольшев сразу отметил, что не указано от кого.

«...Хочу сделать признание: я украл сумку, в которой оказалась большая сумма денег. Украл у продавщицы, которая торгует апельсинами с лотка у метро. Ее легко узнать: на голове большая меховая рыжая шапка, на пальцах аляповатые перстни. Одета она в телогрейку, поверх халат не первой свежести. На ногах большие подшитые валенки. Бесцеремонно, нахально, прямо на глазах она обсчитывает каждого: кладет в пластмассовую посудину некоторое количество плодов, затем швырком еще две-три штуки и сразу, пока стрелка на пределе, снимает вес. Если же попадается придирчивый покупатель, то продавщица хамит.

Я написал на нее жалобу еще осенью, когда покупал у нее яблоки. Получил из Торга ответ: «Объявили выговор...» Но Рыжая Шапка продолжала свою деятельность. Тогда я написал в газету. Оттуда пришел ответ, что моя жалоба направлена в Торг. Я написал в высокие инстанции. Получил ответ, что моя жалоба направлена на рассмотрение в низшие инстанции.

Я испытал унижительное чувство беспомощности. И вот, на днях, проходя мимо, увидел, что сумка продавщицы, обычная хозяйственная с двумя ручками, куда она кидала выручку,

стоит несколько поодаль и ручка отвисает за край столика. Продавщица ругалась с покупательницей. Я потянул за отвисшую ручку. Сам удивляюсь, как это у меня получилось. Скорее всего, рефлексивно. Но никто ничего не заметил. В том числе и продавщица.

Я не вор. Я не имел намерения украсть. Я хотел только наказать ее, только проучить. Потому что никто не пытался остановить ее законным путем.

Но когда я пришел домой и вытряхнул содержимое сумки на стол, то, к моему величайшему удивлению, обнаружил среди мятых трешек и рублевок пачку сторублевых банкнот, новеньких, на общую сумму десять тысяч рублей. Из сумки выкатились также две золотые десятирублевые «николаевские» монеты.

Что делать с деньгами я не знал и не знаю сейчас. Только новенькие сторублевки и золотые монеты показались мне подозрительными. Ведь не может быть, чтобы у скромной продавщицы апельсинами ни с того ни с сего оказались такие большие деньги и золотые монеты царской чеканки.

И я написал Вам письмо.

Не называю своего имени. Если Вы будете знать, кто писал, то привлечете меня к элементарной уголовной ответственности, хотя, повторяю, не считаю свое действие кражей. Деньги готов вернуть, но не знаю как?

Надеюсь, Вы поймете меня».

Околышев опустил листки и взглянул на майора. Тот, подняв от бумаг седую, стриженную коротко – под «бобрик» – голову, смотрел поверх очков.

Он страдал дальновзоркостью, но Околышеву каждый раз казалось, что глаза Баева держат его под прицелом.

Но Баев думал о другом. Околышев нравился ему. Может быть за вздернутый нос, который придавал лицу постоянное выражение улыбочивости. Но письмо совсем не показалось майору простым и он думал, что старший лейтенант, пожалуй, слишком прямолинеен для его расшифровки – интеллигентное поколение, не гибкое.

Заметив, что Околышев поднял взгляд, спросил:

– Что скажешь?

Околышеву в свою очередь хотелось знать, что думает Баев. Майор слыл среди сотрудников своеобразным человеком. Поговаривали, что в свободное от работы время он увлекается чтением древних манускриптов и за пристрастие к афоризмам его заглазно называли «Омар Хайям». Поговаривали также, что он «тянет» до пенсии, а как подойдет срок, уйдет в отставку писать мемуары. И никто не знал, что майору известны все разговоры о нем, и что он просто не мешает людям говорить, что заблагорассудится. И что на пенсию он не торопится и о другой должности не тоскует. Ведь бывает, что человек любит работу, а не должность. А Николай Николаевич Баев слыл прирожденным ОБХССником. Недаром до милиции он служил бухгалтером.

Но зато Околышев знал совершенно точно, что решения и поступки майора Баева не предсказуемы. Не потому ли он застрял в майорах и несмотря на годы не дослужился до должности начальника отделения?!

Но Баев ждал и Околышев ответил неопределенно: – Красочное письмо. Сразу видно – «писатель»!

– А если по существу? – не дал уклониться Баев.

Околышев пожал плечами.

– Конечно, десять тысяч и золотые монеты настораживают. А остальное, обычное дело не заслуживающее внимания.

– Да? – сказал майор и поднял брови. – А по-моему, как раз «остальное» заслуживает большего внимания. Но ты прав, крупные суммы и золотые монеты настораживают. Тем более,

есть директива Управления. Зашевелились валютчики. Необходимо усилить работу по профилактике.

– Что-нибудь серьезное? – любопытствовал Олег. Отеческий тон майора располагал к благодушию.

– Много будешь знать, плохо будешь спать, – неожиданно жестко, но в своей манере, сказал Баев. – Займись-ка лучше продавщицей. И золотые имей в виду и «остальное».

– Есть, заняться продавщицей! – Околышев поднялся.

– Подожди, – поморщился Баев. – С чего думаешь начать?

– Проверить надо: есть ли такая, как торгует?

– Верно! – Согласился майор. – И «писателя» проверь, может быть машинка зарегистрирована. В Торг зайди. Они там не группируют письма по нашим рубрикам, но... дорогу осилит идущий. Вечером доложишь.

Околышев вышел из кабинета начальника милиции, которого Баев замещал по случаю отпуска. Верхний этаж выглядел официально: пустынные коридоры, двери без табличек, только с номерами комнат, немногочисленные посетители молчаливо ожидающие приема у начальника паспортного стола. Не замечая их, он проследовал в противоположный конец коридора и вошел в канцелярию. Сегодня там дежурила Шурочка.

«Очень кстати!»! – отметил Олег и подумал, что молодой женщине пошла бы военная форма, а милицмейская – особенно!

Каждый раз, когда Олег видел Шурочку, он думал одно и то же. Но обратился Околышев к заведующей канцелярией Вере Никаноровне, женщине пожилой и строгой.

– Вот! – он протянул ей листки письма. – Майор направил на опознание по регистрации.

– Шурочка, возьми заявку. – Не поворачивая головы, сказала Вера Никаноровна.

Шурочка взглянула на Олега лучистыми глазами.

– Будет сделано, товарищ старший лейтенант, – она ответила официально, но в ее голосе звучали чисто женские интонации.

– Спасибо! – поблагодарил Олег и улыбнулся. Он знал, что Шурочка симпатизировала ему.

Но, когда за ним закрылась дверь, он не услышал, как Вера Никаноровна сказала:

– Что глазки строишь?! Он женат.

– И очень жаль! – ответила Шурочка.

– А как ты хочешь? Такой парень нигде не задержится.

Шурочке показалось, что Вера Никаноровна вздохнула. И было отчего. Ее мужу исполнилось примерно столько, сколько Олегу, когда он погиб при задержании опасного преступника.

А Околышев тем временем спустился на первый этаж. Здесь размещались Дежурная часть, Уголовный розыск, ОБХСС, другие службы. У двери сидел за стойкой милиционер.

На первом этаже всегда царила оживленная рабочая обстановка. Люди переговаривались и по делу, и на житейские темы, и про любовь. Вот и сейчас молодой с тонкими щегольскими усиками младший сержант Пилипенко показывал фотографии, на которых он был заснят во время службы в десантных войсках. С фотографий смотрел совсем молодой безусый Пилипенко.

Впрочем, главным на фотографии было не лицо, а берет, лихо сдвинутый набок, полосатая «зебра» тельняшки в вырезе ворота гимнастерки и автомат Калашникова на груди. На другой фотографии Пилипенко стоял в группе солдат, таких же как и он. Третья и четвертая фотографии демонстрировали как лихо он действует на учениях.

Пилипенко явно гордился службой в десантных войсках, но скромности ему еще явно не хватало.

Околышев всегда отчетливо ощущал рабочую атмосферу первого этажа, пункта неусыпного наблюдения за общественным порядком. Даже когда Околышев выходил из помещения милиции на задание или домой, он всегда чувствовал свою индивидуальную причастность к нему.

Чувство это было двояким. В милицейской форме, он ощущал себя волнорезом. Людской поток обтекал его. Люди уважительно сторонились, уступали дорогу. Никто не задевал его локтем или плечом, никто не наступал на ноги. Он шел вперед спокойно, уверенный в авторитете и неприкосновенности милицейского мундира.

А в штатском Олег чувствовал себя человеком-невидимкой. Он был как все. Ему дышали в лицо винным перегаром, толкали в троллейбусе и автобусе, наступали на ноги при спуске с эскалатора в метро. Он был для всех такой же как они, и в то же время оставался милиционером, который тайно, как в шапке-невидимке, наблюдает за окружающим миром.

Вот в таком же состоянии человека-невидимки вышел он из дежурки, направляясь в метро. Часы показывали полдень. Солнце светило по зимнему холодно, но ярко. Даже грязный снег сверкал и искрился. Цветной рекламный стенд возвещал, что в ближайшем кинотеатре идет новый художественный фильм «Прохиндиада...». Суетливо сновали люди. Около метро их поток сгущался, но Околышев еще издали разглядел мохнатую рыжую шапку, белый халат поверх телогрейки, а когда подошел поближе, то увидел и валенки, подшитые толстой войлочной подошвой. Не было только сумки. Мелкие деньги продавщица складывала в наружный карман, крупные – десятки, двадцатипятирублевки – в карман телогрейки, привычно заворачивая полу халата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.